

ЛОГИКА МИФА ЯКОВА ГОЛОСОВКЕРА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Т.В. Филатов*

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия
E-mail: priem@psati.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается классификация чудесного, фигурирующая в главном философском труде Якова Голосовкера «Имагинативный абсолют». При этом развиваемая философом логика мифа истолковывается как трехмерная модальная логика, в рамках которой, наряду с хорошо известной алетической модальностью фигурируют также еще две модальности, определяемые нами как эйдетическая и герменевтическая. Также в статье проясняется тезис Голосовкера о связи логики мифа и логики современной науки.*

***Ключевые слова:** логика мифа, классификация чудесного, бытие как модальность, алетическая модальность, эйдетическая модальность, герменевтическая модальность, логика квантовой механики, экспликация классификации чудесного, трехмерная модальная логика.*

Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) – отечественный философ и филолог, специалист в области античной мифологии и немецкого романтизма XIX века, известный в широких читательских кругах, главным образом, благодаря своим переводам с древнегреческого и немецкого (см., напр., [1]). В 1936 году Голосовкер был арестован [2, с. 99–100], вследствие чего значительная часть написанного им в предвоенные годы была утрачена. Сказанное, прежде всего, относится к его философскому наследию, частично восстановленному автором в послевоенные годы, но впервые опубликованного только в 1987 году, уже после смерти исследователя [2, с. 106]. Как пророчески указывала в этой связи Н.В. Брагинская (еще до распада СССР), «применительно к собственной судьбе Голосовкер пишет в «Мифе моей жизни» о мщении духа, у которого судьбою было отнято воплощение и бессмертие. Наше общество, кажется, ощутило на себе это мщение загубленных, парализованных и неразвившихся творческих сил. Наши лихорадочные усилия издать хранившееся под замком или пылившееся в забвении напоминают попытки умиловить грозный и опустошительный дух невоплощения» [3, с. 106].

---

*ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики».

В силу сложившихся обстоятельств философские идеи Голосовкера не дошли до поколения его современников, которому они были адресованы. Это исключило возможность их развития представителями данного поколения, в то время как современные отечественные исследователи рассматривают философию Голосовкера преимущественно в историческом, а не в логическом контексте. Подобный подход обладает определенной эвристической ценностью, поскольку он позволяет выявить определенные концептуальные параллели между мыслительными конструкциями Голосовкера и ключевых фигур западной философии XX века, таких, например, как М. Хайдеггер [4] и Г. Башляр [5]. Вместе с тем логического развития философских идей Голосовкера в подобном контексте, как правило, не происходит, хотя их эвристический потенциал, на наш взгляд, еще не исчерпан, несмотря на нашу от них временную отдаленность.

Цель настоящей статьи заключается в экспликации некоторых логических аспектов логики мифа Я.Э. Голосовкера с опорой на философские идеи, изложенные в его главном философском труде «Имагинативный абсолюте» [6].

Будучи не только философом, но и филологом, а также писателем, Голосовкер в метафилософском плане понимает философию, главным образом, как искусство [6, с. 42], т.е. в личностном и субъектном ключе. Соответственно основополагающая категория философской онтологии – бытие – интерпретируется им преимущественно в этическом ключе, через противопоставление бытия и существования: «Когда человек недоволен существованием, он с гордостью говорит: «бытие», облагораживая, тем самым, существование, этизируя его, ибо существование цинично... В природе в физическом плане нет «бытия», есть только существование, ибо в ней нет абсолютных постоянств... Наоборот: все высшие моральные понятия бытийны. Они суть идеалы. Они имагинативны [6, с. 42]». Но этические категории оценочны, т.е. аксиологичны. В логическом плане подобный подход предполагает понимание бытия не объектно, через противопоставление его сущему, т.е. через оппозицию «онтическое – онтологическое», как у М. Хайдеггера в «Бытии и времени» [7], а субъектно, как модальность, представляющую собой специфическое отношение говорящего к тому, о чем говорится в суждении.

Например, суждение без модальности «На улице холодно» (p) принципиально отличается от суждения с модальностью «Хорошо, что на улице холодно» (Mp), поскольку в первом суждении констатируется фактическое положение дел, тогда как во втором – субъективная оценка данного положения, так что первое из данных суждений может оказаться истинным, а второе – ложным, если холод имеет место быть, но ничего хорошего в этом нет. Учитывая взаимовыражаемость логических формул, объектный и субъектный подходы к бытию можно рассматривать как дополнительные, в смысле квантовомеханического принципа дополнительности, сформулированному Н. Бором [8*].

Не случайно в работе Голосовкера проводятся очевидные параллели между логикой античного мифа и логикой квантовой механики [6, с. 173].

При этом объектное понимание бытия характерно преимущественно для науки и, соответственно, для философии, позиционирующей себя как наука, в то время как субъектное понимание бытия характерно преимущественно для искусства и, значит, для философии, позиционирующей себя как искусство. Логическое расширение объектного («научного») понимания бытия на всю сферу субъектного приводит к атрибутивному истолкованию модальностей. Например, «Холод на улице – это хорошо» (SaP). Аналогично логическое расширение субъектного («художественного») понимания бытия на всю сферу объектного приводит к модальному истолкованию атрибутов; «Холодно всё, что на улице» (Mp); здесь «холодно» – мое оценочное восприятие реальности, подобное «страшно», «противно» и т.п.

Примечательно, что в отечественной традиции философствования, генетически восходящей к советскому марксизму, позиционировавшему себя в качестве научной философии, доминирует преимущественно объектное понимание бытия, в то время как субъектное его понимание встречается крайне редко. В данной связи внимание автора привлекла статья Н.А. Трубиной, которая, в частности, утверждает, что «бытие человека является модальным уровнем во всеобщей онтологической системе наряду с бытием природы и бытием общества. Всё существующее на всех онтологических уровнях определено онтологически первичными модальностями (от лат. *modus* – «способ», «вид») актуального (действительного) и потенциального (возможного)» [9, с. 32]. По большей части проблематика модальности разрабатывается в рамках исследований филологической направленности, где рассматриваются сугубо лингвистические аспекты модальности, либо в контексте формальной (математической) логики, где содержательные аспекты модальных операторов и модальная квалификация не представляются существенными.

Пытаясь до некоторой степени восполнить данный пробел, мы обратимся сейчас к логике мифа Я.Э. Голосовкера, а именно, к классификации чудесного, которую он выстраивает. «Все чудесные существа, предметы и акты также могут быть классифицированы.

I. Чудесного возможного и невозможного – с точки зрения здравого смысла.

II. Чудесного представимого и непредставимого.

III. Чудесного понимаемого и чудесного мнимого или якобы понимаемого» [6, с. 167].

Не трудно убедиться в том, что означенная классификация имеет модальный характер. Во всяком случае первый классификационный признак чудесного однозначно может быть интерпретирован как алетическая модальность. В этой связи примечательно определение Роберта Фейса, которое фи-

гурирует в его фундаментальном исследовании, посвященном модальной логике: «Модальность – это последовательность символов $\sim$, $\diamond$ или любое выражение, которое может заменять (согласно определению) такую последовательность» [10, с. 63]. Здесь символ $\sim$ обозначает отрицание, а символ $\diamond$ – модальный оператор возможности. Например, «Возможно, что этим летом в Сахаре выпадет снег» ($\diamond p$); «Невозможно, что этим летом в Сахаре выпадет снег» ($\sim \diamond p$).

Этим, однако, вся ясность в плане используемых Голосовкером модальных квалификаций полностью заканчивается. Действительно, что представляют собой операторы «представимое»-«непредставимое», «понимаемое»-«непонимаемое»? И самое главное: связаны ли логически данные группы операторов друг с другом, либо это три полностью независимых друг от друга параметра? Например, можно ли представить себе невозможное или понять непредставимое?

В одном из наиболее полных отечественных учебников по логике В.А. Бочарова и В.И. Маркина представлено деление модальностей по модальной квалификации, включающее в себя следующие пять видов модальностей: алетическую (операторы «необходимо», «возможно», «случайно»), деонтическую (операторы «обязательно», «разрешено», «запрещено»), аксиологическую («хорошо», «плохо», «прекрасно», «безобразно»), временную («было», «будет») и эпистемическую («доказано», «опровергнуто», «неразрешимо») [11*, с. 301–302]. Вводимые Голосовкером модальные операторы, на первый взгляд, в смысловом отношении близки к эпистемической модальности, но это только кажимость. Способность представить что-либо или понять напрямую не связана со способностью доказать что-либо. Например, математик формулирует условие теоремы, и я понимаю его, но доказать либо опровергнуть данное условие я не могу.

Таким образом, мы поставлены перед необходимостью именования вводимых Голосовкером новых видов модальности. Традиционно для этих целей используются древнегреческие концепты. В частности, термин «алетическая» происходит от древнегреческого ἀλήθεια (Алетья), что переводится на русский как «истина» или, в интерпретации Хайдеггера, как «несокрытость»; термин «деонтическая» происходит от древнегреческого δέον (Деон) – «должное», термин «аксиологическая» – от древнегреческого ἀξία (Аксия), что означает «ценность»; термин «эпистемический» – от древнегреческого ἐπιστήμη (Эпистеме) – знание. Следуя данной традиции, модальность, связанную с пониманием, можно обозначить как герменевтическую – от древнегреческого ἑρμηνεύω (Герменео) – толкование, а модальность, связанную с представлением, – как эйдетическую – от древнегреческого εἶδος (Эйдос) – образ. Правда, последний термин порождает определенные пустые ассоциации с феноменологией Э. Гуссерля [12], но на наш взгляд, он вполне приемлем.

Итак, классификация чудесного, построенная Я.Э. Голосовкером, позволяет вычленилть 23 или 8 возможных онтологических объектов. Используя традиционные символы $\sim$, $\diamond$ для алетической модальности и вводя символы $\sim$, H для герменевтической модальности, а также символы $\sim$, E для эйдетической модальности, мы можем выразить данные объекты следующим образом.

1. (111) возможное, представимое, понимаемое ($\diamond.\text{E}.\text{H}$).
2. (110) возможное, представимое, непонимаемое ($\diamond.\text{E}.\sim\text{H}$).
3. (101) возможное, непредставимое, понимаемое ($\diamond.\sim\text{E}.\text{H}$).
4. (100) возможное, непредставимое, непонимаемое ($\diamond.\sim\text{E}.\sim\text{H}$).
5. (011) невозможное, представимое, понимаемое ($\sim\diamond.\text{E}.\text{H}$).
6. (010) невозможное, представимое, непонимаемое ($\sim\diamond.\text{E}.\sim\text{H}$).
7. (001) невозможное, непредставимое, понимаемое ($\sim\diamond.\sim\text{E}.\text{H}$).
8. (000) невозможное, непредставимое, непонимаемое ($\sim\diamond.\sim\text{E}.\sim\text{H}$).

Очевидно, что из классификации чудесного выпадает объект (111), который представляет собой совокупность тривиально-реального: столы, стулья, дома, лошади, смена дня и ночи и т.д. С другими объектами все не так ясно. В своей классификации чудесного Я.Э. Голосовкер выделяет, прежде всего, «представимое, но естественно невозможное»: «реки, текущие молоком и медом, кисельные берега и т.п.» [6, с. 167]. При этом указывается, что многие из подобных объектов могут быть воспроизведены искусственно. Тривиальный пример – фонтаны, бьющие вином. На наш взгляд, данные мифологические конструкции соответствуют объекту (011), поскольку мы ясно их представляем и вполне понимаем.

Далее Голосовкер упоминает «чудесное представимое и возможное, но переходящее в невозможное»: медный великан Тал, страж Крита, в жилах которого пульсирует кровь, ожившая статуя богини, созданная Пигмалионом, наконец, пресловутый вечный двигатель (*perpetuum mobile*) [6, с. 168]. Подобного рода конструкции следует отнести к объектам типа (010). С одной стороны, мы их вполне ясно представляем, что позволяет нам заключить об их возможности; отсюда, в частности, маниакальная страсть к конструированию вечных двигателей, охватившая европейское человечество в определенный исторический период. С другой стороны, мы не понимаем, как все эти объекты возможны, что вынуждает нас заключить об их невозможности.

Особый интерес представляет собой тот класс объектов, которые Голосовкер именуеет «галлюцинаторными образами» или «мнимыми представлениями»: речь здесь идет, прежде всего, об оборотнях, постоянно меняющих свой внешний облик, а также фантастические образы, возникающие у мифологического героя вследствие его запугивания отрицательными персонажами мифа. Например, Протей или Фетида принимают различные облики с тем, чтобы запутать героев, а Персея и Ясона их противники пытаются ввести в заблуждение иллюзорными образами, за которыми ничего не стоит [6, с. 168–169]. Здесь, как

нам представляется, речь идет об объектах типа (001). Мы понимаем их невозможность, исходя из понимания иллюзорности наших представлений о них.

Наконец, перед нами наиболее загадочная разновидность чудесного: «чудесное невозможное, непредставимое, непонятное, но якобы представимое и якобы понимаемое» [6, с. 168–169]. Голосовкер относит сюда, прежде всего, представление о бессмертных существах, указывая при этом, что «бессмертие нам понятно в своем отрицательном определении как неумирание, но в своем положительном определении, как нечто вечно-живое, телесно функционирующее – оно нам по сути непонятно» [6, с. 170]. В этом случае мы имеем дело с объектами типа (000). При этом на память приходит, прежде всего, апофатическая теология Николая Кузанского [13], который явственно утверждает, что мы ничего не знаем о бессмертном Боге.

Следует отметить, что Голосовкер выделяет также пятый тип чудесных мифологических объектов – «чудесное как смысл несмыслицы (т.е. «несмыслица» как смысл)» [6, с. 172]. Оно определяется как «чистое чудесное»: «Оборотень чувственно-зрим, представим, как морок, как мираж: он – чудо. Плетение же веревки из муки, или шуба, сшитая из шкуры неубитых зверей, – явления невозможные, не представимые: они есть бессмыслица, поданная как смысл» [6, с. 173]. Очевидно, что в выстраиваемой нами классификации этот пятый элемент представляется безусловно лишним: ведь чудесное есть невозможное, а в трехмерной логической классификации Голосовкера может быть только четыре элемента с модальностью невозможности. Понимает это и сам Голосовкер, который замечает, что «в связи с этим «мнимо-чудесным» мы могли бы ввести 4-ю категорию чудесного: чудесное осмысленное и бессмысленное» [6, с. 173].

На первый взгляд, подобное финальное уточнение превращает классификацию Голосовкера из трехмерной в четырехмерную, существенно усложняя ее, поскольку на выходе мы получаем 24 или 16 возможных объектов. Но это только кажимость, поскольку «осмысленность – бессмысленность», понимаемая как модальность, в строгом смысле выводит нас на своеобразный метауровень: ведь прочие модальности нельзя рассматривать как логически независимые от него, поскольку «возможное – невозможное», «представимое – непредставимое», «понимаемое – непонимаемое» априорно осмысленны. Конечно, плетение веревки из муки невозможно и непредставимо, но ведь я понимаю, что это такое, равно как и шкура неубитых животных. Бессмысленное сообщение – это то, что не несет никакой информации об окружающем мире, потому его никак невозможно понять, интерпретировать в качестве истинного или ложного. Например, утверждение, что «дважды два равно четыре» является осмысленным истинным, «дважды два равно пять» – осмысленным ложным, а вот утверждение «дважды два равно» – бессмысленно, и потому ни истинно, ни ложно.

Продолжая эти рассуждения в духе Л. Витгенштейна [14], я не могу утверждать, что «дважды два равно» невозможно, равно как то, что оно возможно; я не могу утверждать, что не представляю (не понимаю), что означает «дважды два равно»; с другой стороны, я не могу утверждать, что отчетливо представляю (понимаю) это. Таким образом, мы вполне можем абстрагироваться от четвертого измерения чудесного, сосредоточившись исключительно на поддающемся осмыслению его аспекте.

Для полноты исследования необходимо рассмотреть еще три позиции из построенной нами выше классификации, которые соответствуют объектам, очевидным образом находящимся за пределами сферы чудесного ввиду своей возможности, но вместе с тем отличающимся от тривиально-реального (111), а именно объекты (110), (101) и (100). Здесь наибольший интерес представляет объект (101) возможное, непредставимое, но понимаемое, который Я.Э. Голосовкер вполне справедливо связывает с квантово-механическими структурами. Именно данным объектам посвящен параграф исследования под красноречивым названием: «Логика мира чудесного и логика научного микромира» [6, с. 173]. Действительно, элементарные частицы есть нечто, реально возможное, а также вполне понимаемое, но совершенно непредставимое. Например, электрон обладает и свойствами частицы, и свойствами волны. Подобная дополнительность, по мнению Голосовкера, образует оксюморон типа «нищее богатство» [6, с. 176], т.е. нечто, противоречащее закону противоречия аристотелевской логики и потому заведомо непредставимое.

По мнению Голосовкера, именно квантовая механика представляет собой тот своеобразный мостик, который связывает логику мифа и логику науки. Однако первая, в отличие от второй, способна распространяться на область бессмысленного, что для науки недопустимо. Таким образом, из сферы интересов автора «Имагинативного абсолюта», наряду с тривиально-реальными объектами типа (111) ускользают только объекты (110) и (100). В данной связи имеет смысл их конкретизировать.

Итак, объект (110), т.е. возможное и представимое, но непонимаемое. Отсутствие данного объекта в проводимом Голосовкером анализе объясняется достаточно просто. Речь идет о той области науки, которая «выстрелила» в последней четверти XX столетия, т.е. о которой, в отличие от квантовой механики и теории относительности, он, учитывая сложные обстоятельства его жизни, вряд ли мог что-либо знать. Речь идет о синергетике или о теории сложных систем, для которых характерна многофакторность, которая влечет за собой непредсказуемость, и, как следствие этого, невозможность их понимания в плане точного предсказания их последующей эволюции. Простые механические системы, с которыми имела дело классическая наука Галилея-Ньютона, были однозначно детерминированы. Например, движение Земли вокруг Солнца определялось единственным фактором – гравитацией. Однако,

учет гравитационного взаимодействия Земли с другими объектами Солнечной системы, начиная с Луны, делал задачу определения траектории ее движения вокруг Солнца неразрешимой точным образом, а только приближенно. Что же касается гораздо более сложных систем, нежели Солнечная, например, человека, то здесь все вообще становится совершенно непредсказуемым.

В качестве примера можно привести анекдот, который идеально укладывается в логику мифа, одновременно полностью соответствуя современной российской реальности. «1985 год. Играют Карпов и Каспаров в шахматы. Карпов: «Гарри Кимович, в 2012 году, возле Хамовнического суда Москвы вы покусаете русского полицейского, защищая панков и их право танцевать в православных храмах». Каспаров: «Русский полицейский? Панки? Я за православие? В Москве? Бред сивой кобылы! Вы же комсомолец, Анатолий!» [15]. Дело в том, что на судьбу человека воздействует неопределенное множество факторов, потому просчитать ее невозможно даже в общих чертах, хотя «кажимость» выглядит прямо противоположным образом, если конкретный человек пребывает не в точке бифуркации, как это было с Карповым и Каспаровым в далеком 1985 году.

Парадоксально, но такой тривиально представляемый объект как конкретный человек в своей исторической эволюции оказывается абсолютно непонимаемым. Последнее, на наш взгляд, демонстрирует эвристическую силу имажинативной философии Голосовкера, потенциально содержавшей в себе проблематику, на которую мировая наука вышла значительно позднее, приступив к изучению, возможного, представимого, но принципиально непонимаемого в классическом смысле. Дух этой последней на сегодняшний день научной революции выразил Н.Н. Моисеев в своей работе с красноречивым названием «Расставание с простотой» [16].

В результате у нас остался не разобранным только один объект трехмерной модальной логики Я.Э. Голосовкера – (100) – возможное, но непредставимое и непонимаемое. Не трудно убедиться в том, что данный объект теоретически наиболее парадоксален по сравнению со всем тем, что было рассмотрено выше. Действительно, если означенный объект находится за гранью всякого представления и понимания, на основании чего мы можем сделать вывод, что он возможен? Здесь на ум приходит другой мыслительный конструкт, подобный упомянутому Голосовкером в своей работе *perpetuum mobile*. Речь идет о т.н. машине времени – гипотетическом устройстве, позволяющем нам путешествовать не только в пространстве, но и во времени, т.е. свободно перемещаться в прошлое или в будущее.

Идея данного устройства восходит к одной из интерпретаций классической механики Ньютона с использованием концепции симметрии, эвристическая сила которой впоследствии проявилась в ходе структурирования квантовой механики. Дело в том, что формулы ньютоновской механики удовлетво-

ряют трем типам симметрии: P (пространственной), которой соответствует закон сохранения момента импульса; PT (пространственно-временной), которой соответствует закон сохранения импульса; а также T (временной), которой соответствует закон сохранения энергии. Последний тип симметрии делает формулы ньютоновской механики инвариантными (нечувствительными) к изменению направления времени, теоретически открывая возможности перемещения во времени в прошлое.

Однако, в отличие от *perpetuum mobile*, воплощенной в неисчислимом множестве проектов, в истории науки не обнаруживается ни одного воплощенного в осязаемое представление проекта машины времени и даже сколь-нибудь внятной идеи ее построения. Возможно, последнее обстоятельство связано с многочисленными парадоксами, проистекающими из допущения возможности перемещения в прошлое. В качестве иллюстрации здесь можно указать на известный парадокс дедушки. Допустим, я построил машину времени, переместился в прошлое, нашел там своего дедушку и убил его. Вследствие этого не рождается мой отец, который не рождает меня, так что я не лечу в прошлое и не убиваю дедушку. Но в этом случае я благополучно рождаюсь, что позволяет мне построить машину времени, переместиться в прошлое, найти там дедушку и убить его. Так убиваю я дедушку или нет?

Примечательно, что подобного рода парадоксы препятствуют только нашему перемещению в прошлое, но никак не препятствуют перемещению в будущее. Не случайно допустимость подобного рода процесса утверждается в рамках эйнштейновской теории относительности [17]. Известно, что и в рамках данной теории возникают парадоксы, подобные упомянутому выше парадоксу дедушки. Наиболее известный из них – парадокс близнецов. Однако в целом он успешно преодолевается Эйнштейном посредством указания на неравноправность систем отсчета, связанных с космическим кораблем и Землей.

Подведем итоги. Логика мифа Э.Я. Голосовкера может быть интерпретирована как трехмерная модальная логика, предполагающая сочетание трех типов модальностей: алетической (модальные операторы «возможно» – «невозможно»), эйдетической (операторы «представимо» – «непредставимо») и герменевтической («понимаемо» – «непонимаемо»). Нами были выделены 8 базовых типов онтологических объектов, возможных в рамках данной логики, четыре из которых были соотнесены с элементами классификации чудесного, построенной Голосовкером. Было показано, что пятый элемент его классификации предполагает переход к четырехмерной модальной логике, посредством задействования модальных операторов («осмысленно» – «бессмысленно»), что, на наш взгляд, нецелесообразно, поскольку трехмерная модальная логика мифа остается исключительно в сфере осмысленного. Вместе с тем, в структуре мифологического мировоззрения, безусловно, содержатся элементы, которые возможно отнести к сфере бессмысленного, например, некоторые из магических заклинаний.

Нами также была осуществлена экспликация объектов, которые могут быть описаны трехмерной модальной логикой мифа, но находящиеся за пределами области чудесного (отождествляемого нами с невозможным). Наряду с тривиально-реальными объектами нашего обыденного опыта, это, прежде всего, квантово-механические объекты, которые нельзя представить, но можно понять, на что указывает и сам Голосовкер. Далее мы отождествили объекты, которые можно представить, но нельзя понять (просчитать), со сложными системами, которые изучаются сегодня в рамках синергетики и родственных ей теорий. Наконец, на примере машины времени нами была показана специфика объектов, которые, в отличие от квантово-механических, не поддаются ни только представлению, но и пониманию.

В целом, логика мифа представляет собой только отдельный аспект философии Я.Э. Голосовкера, основные положения которой изложены в его главном философском труде «Имагинативный абсолют». Последнее открывает определенную перспективу в плане экспликации онтологической концепции Голосовкера в целом, с акцентом на развиваемое им понимание философии как искусства и модальном истолковании категории бытия.

Список литературы

1. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Стихотворения / Ф. Ницше; [пер. с нем. Якова Голосовкера]. – М.: Прогресс; Б-ка ж-ла «Путь», 1994. – 512 с.
2. Шмидт, С.О. О Якобе Голосовкере / С.О. Шмидт // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 95–112.
3. Брагинская, Н.В. Слово о Голосовкере / Н.В. Брагинская // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 106–110.
4. Морозов, Д.А. Два взгляда на поэзию Гельдерлина: М. Хайдеггер и Я.Э. Голосовкер / Д.А. Морозов // Философский журнал. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 97–111.
5. Арапов, О.Г. «Имагинативная философия» Я. Голосовкера и «имагинативная метафизика» Г. Башляра: две модели философии воображения / О.Г. Арапов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 158–165.
6. Голосовкер, Я.Э. Имагинативный абсолют / Я.Э. Голосовкер. – М.: Академический Проект, 2012. – 318 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В.В. Библихина]. – М.: Ад Маргинем, 1997. – 452 с.
8. Алексеев, И.С. Концепция дополнительности / И.С. Алексеев. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
9. Трубина, Н.А. Виртуальность как модальность современного общества (на примере национальной символики России) / Н.А. Трубина // Национальные приоритеты России. – 2014. – № 4(14). – С. 32–35.
10. Фейс, Р. Модальная логика / Роберт Фейс; [пер. с англ. Ю.А. Петрова] – М.: Наука, 1974. – 520 с.

11. Бочаров, В.А. Введение в логику: учебник / В.А. Бочаров, В.И. Маркин. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.
12. Статкевич, И.А. Феноменология перцепции и проекция / И.А. Статкевич // Известия Российского государственного педагогического университета им. И.А. Герцена. – 2009. – № 107. – С. 76–84.
13. Кузанский, Н. Об ученом незнании / Н. Кузанский; [пер. с нем. В.В. Бибихина]. – М.: Академический проект, 2015. – 161 с.
14. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; [пер. с нем. Л. Добросельский] – М.: АСТ, 2018. – 160 с.
15. Анекдоты. № 2291 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mrwolf.ru/Humor/Anekdoty/2291> [дата обращения 22.08.2020].
16. Моисеев, Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998. – 472 с.
17. Борн, М. Эйнштейновская теория относительности / М. Борн [пер. с нем. Е.В. Мицкевич]. – М.: Мир, 1972. – 368 с.

YAKOV GOLOSOVKER'S MYTH LOGIC AS A SPECIFIC TYPE OF MODAL LOGIC

T.V. Filatov*

*Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
E-mail: priem@psati.ru*

Annotation. *The article deals with the classification of the miraculous, which appears in the main philosophical work of Yakov Golosovker "Imaginative absolute". At the same time, the logic of myth developed by the philosopher is interpreted as a three-dimensional modal logic, within which, along with the well-known alethic modality, there are also two other modalities, which we define as eidetic and hermeneutical. The article also clarifies Golosovker's thesis about the connection between the logic of myth and the logic of modern science.*

Keywords: *myth logic, classification of the miraculous, being as a modality, alethic modality, eidetic modality, hermeneutical modality, logic of quantum mechanics, explication of the classification of the miraculous, three-dimensional modal logic.*

**FILATOV Timur Valentinovich* – doctor of philosophy, Professor, head of the Department of philosophy of the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics.